© 2024. Plyusnina O. V., Butova L. M., Konishchev E. V., Plekhanova E. O.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
politology, sociology and economics

Check for updates

оригинальная статья https://elibrary.ru/riwztw

Изменение параметров уровня и качества жизни населения в период неопределенности

Плюснина Оксана Владимировна
Ухтинский государственный технический университет,
Россия, Ухта
eLibrary Author SPIN: 5956-8623
http://orcid.org/0000-0002-5059-1246

Бутова Лариса Михайловна
Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, Воронеж
eLibrary Author SPIN: 7989-7056
http://orcid.org/0000-0003-3735-9503

Конищев Егор Валерьевич
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 3778-3967
https://orcid.org/0000-0003-4290-1045
rueconomics@mail.ru

Плеханова Елена Олеговна
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 6830-3717
http://orcid.org/0000-0001-6972-3993

Аннотация: В условиях неопределенности, вызванной пандемией, уровень и качество жизни населения связаны не только с экономическим благополучием, но и организованной деятельностью социальной системы, сохранением высокого уровня человеческого развития, психологической устойчивостью людей. Цель исследования – провести анализ изменений параметров уровня и качества жизни населения, произошедших в период неопределенности, и определить меры государственной политики, способствующие поддержанию ключевых аспектов человеческого развития. Задачи: проанализировать динамику показателей уровня жизни населения России в 2019–2021 гг. (в сравнении со странами с развитой экономикой); определить зоны риска в части снижения уровня и качества жизни населения; обосновать направления и комплекс мер государственной политики, способствующие поддержанию уровня и качества жизни населения. Исследование выполнено с использованием методов статистического наблюдения, группировки результатов наблюдения, метода абсолютных, относительных и средних величин, метода компаративного анализа, графического и логического методов и системного подхода. В работе определено, что ключевые показатели уровня жизни населения России в 2019–2021 гг. сократились. Это повлекло за собой снижение качества жизни россиян. Несмотря на существующий разрыв параметров уровня и качества жизни в России и в некоторых странах с развитой экономикой (Японии, США и Великобритании), в указанный период в большинстве стран наблюдалась схожая динамика реагирования на внешние вызовы пандемии. Обосновано авторское предположение о том, что в условиях неопределенности, вызванной эпидемией, с одной стороны, произошло снижение параметров уровня и качества жизни населения, а с другой – были созданы предпосылки для расширения возможностей человеческого развития. Использование создавшихся предпосылок определяется готовностью общественной системы к изменениям и адаптивностью механизмов государственного управления.

Ключевые слова: уровень жизни населения, качество жизни населения, человеческое развитие, неопределенность, пандемия, расширение возможностей, государственная политика

Цитирование: Плюснина О. В., Бутова Л. М., Конищев Е. В., Плеханова Е. О. Изменение параметров уровня и качества жизни населения в период неопределенности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 2. С. 306–316. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-306-316

Поступила в редакцию 11.03.2024. Принята после рецензирования 26.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

full article

Effects of Uncertain Times on Standards and Quality of Life

Oksana V. Plyusnina
Ukhta State Technical University, Russia, Ukhta
eLibrary Author SPIN: 5956-8623
http://orcid.org/0000-0002-5059-1246

Larisa M. Butova
Voronezh State Pedagogical University, Russia, Voronezh
eLibrary Author SPIN: 7989-7056
http://orcid.org/0000-0003-3735-9503

Egor V. Konishchev
Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 3778-3967
https://orcid.org/0000-0003-4290-1045
rueconomics@mail.ru

Elena O. Plekhanova
Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 6830-3717
http://orcid.org/0000-0001-6972-3993

Abstract: National standards of living and quality of life depend not only on economic well-being, but also on how well-organized the social system is in its ability to maintain human development and psychological stability. In this regard, the COVID-19 pandemic gave start to social uncertainty. This article describes how the parameters of standards and quality of life changed during the post-pandemic uncertain times and how various public policies contributed to maintaining the key aspects of human development. The authors compared the indicators of the standards of living in Russia in 2019–2021 with those in other countries with developed economies. They also identified the risk areas in these spheres and showed how state policy measures maintained the standards and quality of life during the uncertain times. The research relied on statistical observation and grouping, comparative analysis, graphical method, logical method, and systematic approach, as well as on the method of absolute, relative, and average values. In 2019–2021, the key indicators of the standards of living decreased. As a result, the quality of life also went down. Russia's standards of living differ from those in some advanced economies, e.g., Japan, the United States, the United Kingdom, etc. However, most countries demonstrated very similar dynamics in their response to the external challenges of the pandemic. On the one hand, the uncertain times caused by the epidemic saw a drop in the parameters of the standards and quality of life. On the other hand, they created new development opportunities. The degree to which a country was ready to use these opportunities depended on the readiness of its society to change and the adaptability of its public administration.

Keywords: standards of living, quality of life, human development, uncertainty, pandemic, empowerment, public policy

Citation: Plyusnina O. V., Butova L. M., Konishchev E. V., Plekhanova E. O. Effects of Uncertain Times on Standards and Quality of Life. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 306–316. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-306-316

Received 11 Mar 2024. Accepted after review 26 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

По мере эволюции общества происходит трансформация подходов к обеспечению уровня и качества жизни населения. Эти понятия хоть и связаны друг с другом, но имеют определенные особенности. Так, уровень жизни является базовой характеристикой процессов жизнеобеспечения населения, отражающей степень удовлетворения его материальных потребностей [1]. Повышение уровня материального благосостояния и доходов населения создает основу для роста качественных характеристик жизни, связанного с преумножением имеющихся возможностей для собственного развития и удовлетворением комплекса высокоразвитых потребностей и интересов людей. Поэтому рост качества жизни с позиций идеологии формирования *нового сознания* становится целевым ориентиром развития современного общества.

В условиях расширения факторов, вводящих общество в состояние неопределенности (неблагоприятная эпидемиологическая ситуация вследствие пандемии, углубление политических конфликтов, борьба за перераспределение центров мирового влияния, рецессивные процессы в экономике), уровень и качество жизни населения будут определяться не только экономическим благополучием, но и слаженной работой социальной системы, поддержанием высокого уровня человеческого развития, психологической устойчивостью людей и их уверенностью в завтрашнем дне.

Таким образом, цель исследования состоит в проведении анализа изменений параметров уровня и качества жизни населения, произошедших в период неопределенности, вызванной пандемией, а также – в определении мер государственной политики, способствующих поддержанию ключевых аспектов человеческого развития.

Задачи исследования включают анализ динамики показателей уровня жизни населения России в период 2019–2021 гг.; определение зон риска в части снижения качества жизни населения; обоснование направлений и комплекса мер государственной политики.

Ученые в своих исследованиях сделали следующие выводы об изменении качества жизни населения:

1. Рост неопределенности, неустойчивости и турбулентности во всех сферах жизнедеятельности современного общества оказал непосредственное воздействие на уровень и качество жизни населения, что потребовало изменения подходов к управлению процессами их поддержания [1–5].

2. Процесс экономического развития связан не с повышением материального благосостояния населения, а с процессом расширения возможностей людей в части выбора условий, в которых они осуществляют свою жизнедеятельность [6–7].

3. Значимость расширения возможностей для человеческого развития в период изменений определяют эффективные действия государства для управления данными процессами [8–10].

Гипотеза исследования состоит в том, что в условиях неопределенности, вызванной пандемией, с одной стороны, наблюдается снижение параметров уровня и качества жизни населения, с другой стороны, создаются новые предпосылки для расширения возможностей человеческого развития. Готовность общественной системы к использованию создавшихся предпосылок во многом определяется ее адаптивностью к изменениям и гибкостью механизмов государственного управления.

Методы и материалы

Методическая оригинальность авторского подхода заключается в использовании метода дескриптивного сравнительного анализа эмпирических наблюдений за показателями уровня и качества жизни населения России и стран с развитой экономикой (США, Великобритания, Япония) в период неопределенности 2019–2021 гг. Этот метод позволил обеспечить объективность результатов исследования и установить ключевые тенденции изменений в уровне и качестве жизни населения России. Определение мер государственной политики, направленных на поддержание уровня и качества жизни россиян, осуществлено на основе анализа позитивного мирового опыта.

Сбор первичного статистического материала осуществлен с помощью метода статистического наблюдения. Далее была выполнена первичная обработка, сводка и группировка его результатов. Анализ полученных сводных материалов произведен с использованием метода абсолютных, относительных и средних величин, метода дескриптивного сравнительного анализа эмпирических наблюдений. Для интерпретации полученных результатов использован графический метод. Подготовка выводов и предложений была произведена логическим методом и системным подходом.

Информационная база исследования представлена материалами Всемирного Банка, Всемирной организации здравоохранения, Организации Объединенных Наций, Ceicdata, позволяющими объективно оценить изменение уровня и качества жизни населения России в сравнении с динамикой стран со зрелой экономикой.

Результаты

В настоящем исследовании 2019–2021 гг. наделяются свойством неопределенности. Другими словами, события и явления данного периода не предполагают однозначной причинной обусловленности одного явления другим, в результате чего отсутствуют объективные предпосылки для возможности четкого и последовательного предсказания событий.

Данный период разнороден по своему содержанию. В частности, неопределенность 2019 г. характеризуется восстановительным ростом после кризиса 2014–2016 гг., который остается неустойчивым в разрезе различных секторов экономики (одни восстанавливаются быстрее, другие, в большей мере затронутые кризисом, испытывают долгосрочный остаточный эффект). При этом сохраняются угрозы новой рецессии, прежде всего, из-за рисков развития неблагоприятных событий в мировой экономике [11].

2020 г. создал предпосылки для начала нового этапа неопределенности, вызванного эпидемиологическими факторами [6]. Распространение коронавирусной инфекции в сжатые сроки в глобальном масштабе стало новой угрозой жизни и здоровью, благополучию населения, выходя при этом за рамки привычных представлений об инструментах восстановления экономической динамики [9]. Поэтому в этот период отсутствовали четкие прогнозы о сроках пролонгирования коронакризиса, времени, необходимом для последующего

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-306-316

восстановления экономики, и действенных методах государственного регулирования в силу отсутствия подобного опыта.

К 2021 г. появились некоторые черты определенности, зафиксировавшиеся в ощутимых результатах экономической деятельности – росте экспортной экономики России. Тем не менее новые вспышки короновируса в различных регионах мира создавали предпосылки для волнения и появления неопределенности в отношении планирования будущего. Кроме того, искусственное сдерживание социальной жизни в период самоизоляции, нарастание общественного недовольства и развитие новых политических конфликтов формировали неблагоприятную среду, которая в любой момент могла подорвать все представления об определенности и расстроить реализуемые планы развития[1].

Следует проанализировать изменения в уровне жизни населения России, произошедшие за период неопределенности.

Для выявления ключевых тенденций можно использовать показатель *ВВП на душу населения* (рис. 1[2]). Вплоть до 2019 г. наблюдался восходящий тренд, а затем в год начала пандемии показатель снизился (–2,5 %). Однако в 2021 г. состоялись изменения, принесшие рост ВВП на душу населения и превышение доковидного уровня (+5,5 %). Для объективности оценки тенденций приведем некоторые данные о динамике ВВП на душу населения в странах с развитыми экономиками. Например, в 2020 г. в Японии и США также произошло снижение значения показателя (–4,2 % и –3,7 %), а в Великобритании оно составило –11,4 %. Однако только в США значение ВВП на душу населения в 2021 г. превзошло уровень 2019 г., тогда как в Японии и Великобритании показатель так и не достиг допандемийного уровня.

Уровень жизни населения определяется, прежде всего, ситуацией на рынке труда, сбалансированностью спроса и предложения, проявляющейся в соотношении численности занятых граждан и общей численности населения (рис. 2[3]) [12–16]. Так, в 2020 г. наблюдаются негативные тенденции на рынке труда. Сокращение отношения численности занятых граждан к общей численности населения России составило –1,7 %, –0,7 % – в Японии и –6,6 % – в США. Такая ситуация была спровоцирована поведением работодателей в условиях плохой прогнозируемости тенденций развития рынка труда и сроков пандемии, а также в связи с принятием хозяйствующими субъектами мер защиты (сокращение постоянного персонала и затрат на его содержание, вывод части сотрудников за пределы штата или перевод на краткосрочные контракты, использование труда фриланс-работников и т.д.) [14; 17]. Следует отметить, что российский рынок труда в короткие сроки продемонстрировал свою адаптивность к новым условиям в виде реализации структурных изменений, появления новых форм труда и расширения предпринимательских способностей населения в качестве самозанятых благодаря

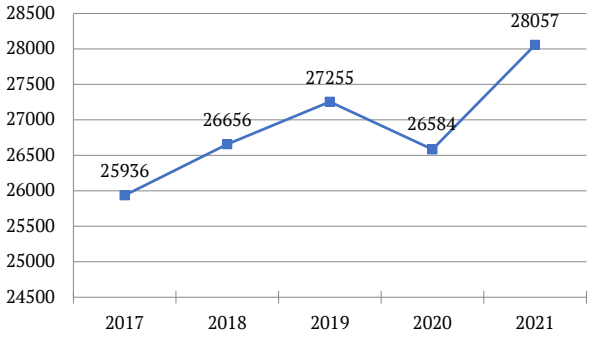

Рис. 1. ВВП на душу населения в России в 2017–2021 гг., PPP (в постоянных ценах 2017 г., в долларах США)
Fig. 1. GDP per capita in Russia in 2017–2021 at 2017 constant prices, US dollars

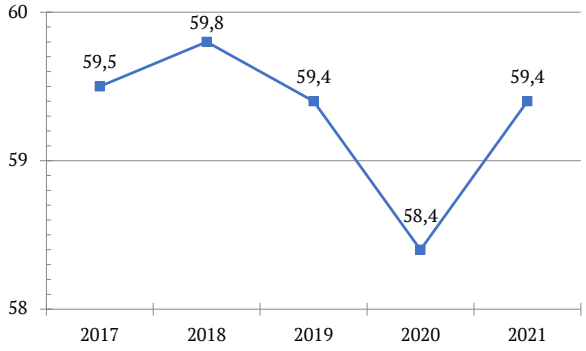

Рис. 2. Соотношение численности занятых граждан и общей численности населения в 2017–2021 гг., %
Fig. 2. Employed population vs. total population in 2017–2021, %

[1] Human development report 2021–22. *United Nations*. 08.09.2022. URL: https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22 (accessed 1 Mar 2024).

[2] Сост. по: GDP per capita, PPP (constant 2017 international $). *World Bank*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?end=2018&start=1990 (accessed 5 Mar 2024).

[3] Сост. по: Employment to population ratio, 15+, total (%) (national estimate). *World Bank*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.TOTL.SP.NE.ZS (accessed 6 Mar 2024).

утверждению новых институциональных форм занятости. Так, уже в 2021 г. соотношение численности занятых и общей численности населения России достигло допандемийного уровня и составило 59,4 %. Безусловно, большую адаптивность рынок труда показал в Японии (+0,3 % к концу 2021 г.) и в США (+2,8 % в 2021 г.) [17].

Как следствие, показатель *доходы домохозяйств на душу населения* и его динамика продемонстрировали сокращение (рис. 3[4]). В 2020 г., когда развернулась пандемия, доходы домохозяйств сократились на 8,5 %. По мере снятия ковидных ограничений и реализации пакета мер государственной поддержки произошло увеличение показателя. Однако к 2021 г. он так и не достиг допандемийного уровня. Для сравнения: в Японии в 2020 г. произошло увеличение показателя на 6,6 % (в сравнении с 2019 г.), однако к 2021 г. он относительно сократился на 3,14 % (в сравнении с 2020 г.). Это объясняется эффективностью реализованных программ поддержки населения в острой фазе пандемии и некоторым ослаблением показателей к 2021 г. в связи с окончанием сроков их действия. В США пандемия не нарушила динамики роста доходов домохозяйств. Так, в 2020 г. произошел рост показателя на 1,8 %, а в 2021 г. – еще на 8 % (относительно данных 2020 г.). Великобритания в период пандемии тоже удерживала ситуацию под контролем: рост доходов домохозяйств на душу населения в 2020 г. составил 6,6 % и продолжился в 2021 г., увеличившись еще на 5,8 %.

В период нестабильности население сокращает уровень своих потребительских расходов прежде всего в части приобретения дорогостоящих товаров с целью минимизации рисков роста финансовой неустойчивости [18]. В такие периоды происходит повышение интереса населения к росту сбережений и увеличение наличных денег на руках [2; 19]. Потребительское поведение домохозяйств также является интересным с точки зрения изучения изменения уровня и качества жизни населения (рис. 4[5]). Представленные данные подчеркивают тенденцию снижения расходов домохозяйств в России в 2020 г. (–14,3 %). В 2021 г. нисходящий тренд сменился на восходящий из-за роста потребительских расходов домохозяйств на душу населения (+14,9 %).

Японии, например, удалось пройти период пандемии с минимальными изменениями в уровне потребительских расходов домохозяйств: –2,7 % в 2020 г. с дальнейшим сокращением в 2021 г. на 1,7 %. Уменьшение расходов домохозяйств на душу населения произошло и в США в 2020 г.: –1,7 % с последующим ростом в 2021 г. на 13,7 %. Великобритания продемонстрировала незначительное сокращение в острой фазе пандемии (–0,2 %) и более выраженное в 2021 г. (–11,7 %). Другими словами, в странах с развитой экономикой сокращение потребительских расходов в период неопределенности, вызванной пандемией, было менее выраженным, чем в России. Но восстановительная динамика в ней оказалась более активной, нежели в той же Великобритании.

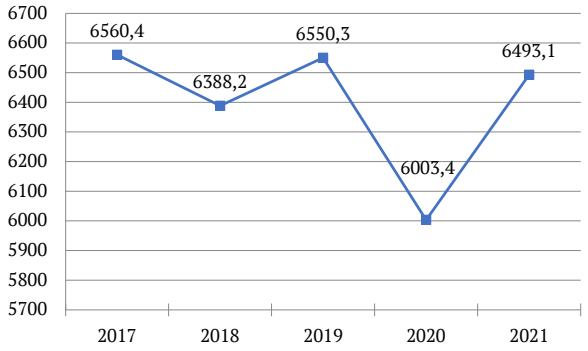

Рис. 3. Доходы домохозяйств на душу населения в России в 2017–2021 гг., доллары США
Fig. 3. Household income per capita in Russia in 2017–2021, US dollars

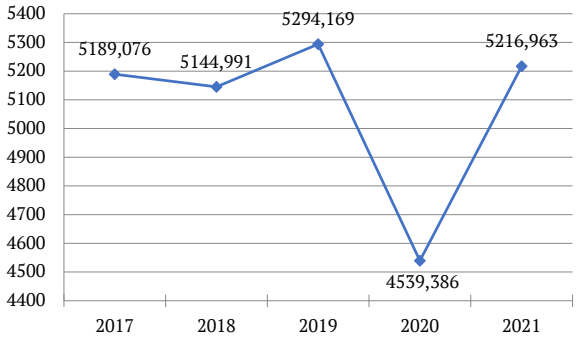

Рис. 4. Расходы домохозяйств на душу населения в России в 2017–2021 гг., доллары США
Fig. 4. Household expenditures per capita in Russia in 2017–2021, US dollars

[4] Сост. по: Household income per capita by country comparison. *CEIC*. URL: https://www.ceicdata.com/en/indicator/united-states/annual-household-income-per-capita (accessed 6 Mar 2024).

[5] Сост. по: Russia household expenditure per capita. *CEIC*. URL: https://www.ceicdata.com/en/indicator/russia/annual-household-expenditure-per-capita (accessed 6 Mar 2024).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-306-316

Отличительной особенностью периода пандемии стало изменение структуры потребления домохозяйств: рост доли продовольственных товаров в структуре потребления; увеличение расходов на компьютерное и телекоммуникационное оборудование для поддержания активности в связи с изменением стиля жизни; рост затрат на товары и услуги, связанные с поддержанием санитарных норм, здоровья и ведением здорового образа жизни [19–21].

Ухудшение эпидемиологической ситуации, рост уровня заболеваемости и смертности людей, безусловно, отразились на параметрах качества жизни населения. Об этом можно судить по снижению в период пандемии значений индекса человеческого развития (ИЧР), рассчитываемого ООН. В частности, в России он сократился на 0,015 п. п. (рис. 5[6]).

В странах с развитой экономикой влияние пандемии на ИЧР дифференцировано. Например, в Японии значение ИЧР в 2019–2021 гг. практически не изменилось: 2019 г. – 0,924 п. п.; 2020 г. – 0,923 п. п.; 2021 г. – 0,925 п. п. В США же изменения достаточно значительные: 2019 г. – 0,930 п. п.; 2020 г. – 0,920 п. п.; 2021 г. – 0,921 п. п. Великобритания тоже испытала сильное негативное воздействие пандемии, но уже к 2021 г. продемонстрировала хорошую восстановительную динамику: 2019 г. – 0,935; 2020 г. – 0,924; 2021 г. – 0,929[7].

Заметим, что в рамках ИЧР оцениваются не только показатели продолжительности жизни и экономического благосостояния населения. Акцент сделан и на анализе факторов безопасности народа, позволившем выявить рост уровня стресса и восприятия незащищенности людей, усугубление проблем неравенства, усиление планетарных нагрузок и политической поляризации во всем мире, а также ухудшение психического и физического здоровья граждан и появление замкнутых форм неопределенности. Данные выводы вносят понимание в изменение качества жизни населения под влиянием пандемии. В частности, ООН подчеркивает, что в 2020–2021 гг. более чем в 90 % стран мира отмечалось снижение ИЧР.

С точки зрения оценки воздействия эпидемиологических факторов особый интерес представляет структурный компонент ИЧР – показатель ожидаемой продолжительности жизни, т. к. в короткие сроки она значительно сократилась (рис. 6[8]). Причем

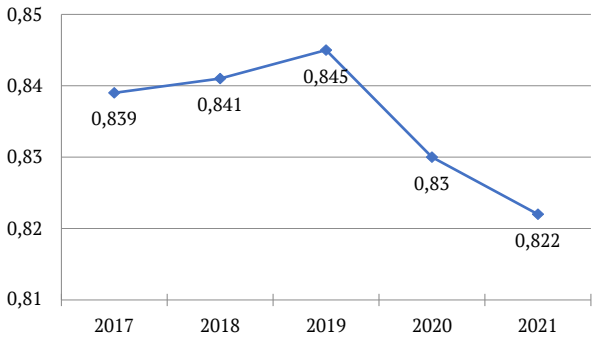

Рис. 5. Индекс человеческого развития в 2017–2021 гг.
Fig. 5. Human development index in 2017–2021

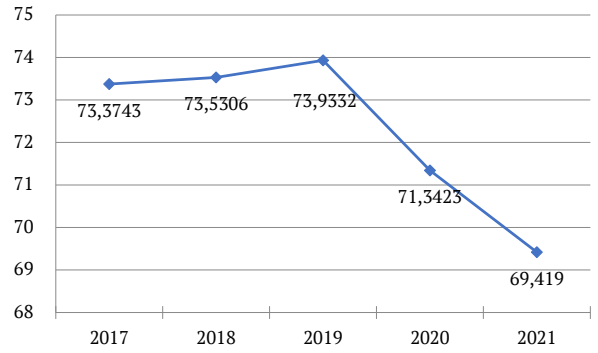

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни населения в России в 2017–2021 гг., лет
Fig. 6. Life expectancy in Russia in 2017–2021, years

такая ситуация стала характерной как для России, так и для многих стран с развитыми экономиками.

Продолжительность жизни населения определяется совокупностью многочисленных факторов, включая развитость и доступность системы здравоохранения и образования, качество потребляемых продуктов питания и воды, благополучие окружающей среды и т. д. Увеличение уровня смертности людей в период пандемии раскрыло существовавшие ранее несовершенства российской системы здравоохранения, ее неготовность к экстренным и нестандартным ситуациям, как следствие, подняв проблему отставания страны от развитых стран в разрезе данного показателя. Например, продолжительность жизни в России в доковидный период составляла 73,9 лет, в Японии – 84,4 года, в США – 79,1 года, в Великобритании – 81,7 года. Япония в условиях пандемии продемонстрировала

[6] Доклад о человеческом развитии 2021 / 2022 гг. *United Nations Development Programme*. URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewru.pdf (дата обращения: 06.03.2024).

[7] Там же.

[8] Сост. по: Life expectancy by country in 2021. *Database.earth*. URL: https://database.earth/population/life-expectancy/2021 (accessed 6 Mar 2024).

рост этого показателя (с 84,4 лет в 2019 г. до 84,7 лет в 2020 г. и 84,8 лет в 2021 г.), а вот в США (до 77,4 лет) и Великобритании (до 80,4 лет) наблюдалось его снижение. Однако если в США, так же как и в России, сокращение показателя продолжилось в 2021 г., то для Великобритании, начиная с 2021 г., был характерен прирост его значения.

Для наглядности межстрановых сопоставлений показателей качества жизни населения можно использовать компоненты индекса качества жизни, рассчитываемого Numbeo. В 2019 г. индекс качества жизни в России составлял 104,9; в 2020 г. – 102,3; в 2021 г. – 101,7. Для сравнения в Японии его значение по годам изменялось следующим образом: 2019 г. – 180,5; 2020 г. – 168,0; 2021 г. – 162,3. Сравнительные данные по индексу качества жизни представлены на рисунке 7[9]. Исходя из этих данных, мы делаем вывод, что во всех анализируемых странах в период неопределенности 2019–2021 гг. произошло сокращение индекса качества жизни.

Интерес для нас представляет динамика индексов безопасности, здравоохранения и загрязнения окружающей среды в России (табл.[10]). В период неопределенности индекс безопасности в России увеличивался, индекс здравоохранения в 2019–2020 гг. оставался неизменным, продемонстрировав рост в 2021 г., а индекс загрязнения окружающей среды, который на протяжении двух лет (2019–2020 гг.) оставался одинаковым, в 2021 г. незначительно сократился, свидетельствуя об улучшении экологической ситуации в стране. Таким образом, динамика показателей по отдельным структурным компонентам индекса качества жизни России в период неопределенности 2019–2021 гг. оставалась устойчивой.

Итак, с одной стороны, пандемия создала предпосылки для снижения качества жизни населения, увеличив диспропорции общественного развития в части доходных составляющих, доступа к образованию, снижения уверенности населения в своих возможностях в обеспечении будущего развития и уровня доверия к государству (системе государственного управления). С другой стороны, коронавирусная инфекция способствовала трансформации ценностных установок и общественного сознания, моделей производства и потребления, поведения всех субъектов экономической системы. Вкупе с интенсивной цифровизацией, появившейся

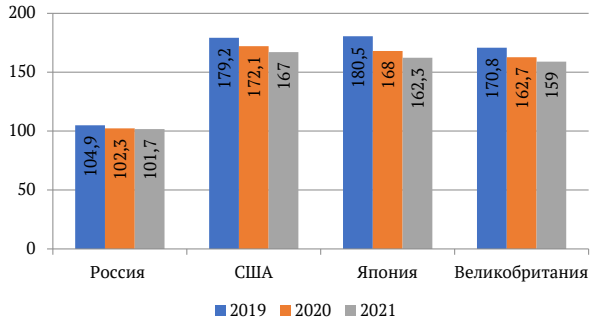

Рис. 7. Индекс качества жизни Numbeo в России и странах с развитой экономикой
Fig. 7. The Numbeo Quality of Life Index in Russia vs. developed economies

Табл. Динамика показателей, отражающих качество жизни населения России в 2019–2021 гг.
Tab. Indicators of quality of life in Russia in 2019–2021

Показатель	2019	2020	2021
Индекс безопасности	58,1	58,9	59,9
Индекс здравоохранения	57,6	57,6	58,4
Индекс загрязнения окружающей среды	62,8	62,8	62,3

в 2020 г. в связи с введением режимов самоизоляции, влияние пандемии сказалось на создании условий для расширения возможностей людей:

1. Создание предпосылок для развития новых направлений медицины и медицинского обслуживания, осуществляемых с помощью технологий искусственного интеллекта. В частности, трендом периода пандемии стало удаленное здравоохранение, которое в настоящее время приобрело формат реального инструмента оказания медицинской помощи в различных странах. При условии создания в России полноценной институциональной базы телемедицина может стать еще более эффективной с точки зрения соотнесения затрат и результатов. Так, экспериментальный правовой режим (ЭПР) в сфере дистанционного предоставления консультационных и врачебных услуг в стране введен уже в 2023 г.[11] Безусловно, развитие телемедицины, применение носимых медицинских устройств для отслеживания здоровья и физической активности и для удаленного наблюдения врачей

[9] Сост. по: Quality of life index by country. *Numbeo*. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp?title=2021 (accessed 6 Mar 2024).

[10] Сост. по: Ibid.

[11] В Россию пришла цифровая эра медицины. *Российская газета*. URL: https://rg.ru/2023/08/17/v-rossiiu-prishla-cifrovaia-era-mediciny.html (дата обращения: 06.03.2024).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-306-316

за пациентами, реализация концепции персонализированной медицины позволят сделать рывок в повышении качества жизни россиян.

2. Образовательные сервисы тоже вышли на новый этап развития из-за санитарных ограничений и дистанцирования населения, а также требований организовывать образовательный процесс в онлайн-формате. Несмотря на вынужденные меры, перевод отдельных элементов российской системы образования в онлайн-формат с течением времени стал выполнять задачи расширения возможностей непрерывного образования для всех категорий граждан за счет развития цифрового образовательного пространства [22]. По данным портала Edmarket, в 2021 г. в России реализуются в онлайн-формате 4,4 % программ высшего образования, 6,8 % дополнительного школьного образования, 10,9 % дополнительного профессионального образования и 15,9 % программ языкового обучения[12]. При этом используются различные варианты реализации: 100 % онлайн-обучение (без необходимости посещения колледжа или университета), гибридное образование, асинхронные и синхронные онлайн-курсы [23–25]. С учетом того, что Россия имеет высокие мировые рейтинги по качеству образования (в 2022 г. занимает 29 позицию в рейтинге Education Index 2022 из 191 страны мира), у нее есть все шансы вывести процесс формирования цифрового образовательного пространства на высокий уровень, не только расширяя возможности населения страны в получении образования, но и способствуя достижению целей глобального лидерства по уровню развития человеческого потенциала[13]. В настоящее время в условиях перераспределения центров глобального лидерства Россия в составе интеграционного объединения БРИКС рассматривается как прямой конкурент альянса наиболее развитых стран мира G7 [26; 27]. Для использования данных преимуществ онлайн-образования для повышения качества жизни населения требуется реализация дополнительных мер, стимулирующих создание качественного образовательного контента, оптимизацию учебного процесса (механизмы материальной мотивации преподавателей) и совершенствование институциональных форм, регламентирующих данную сферу.

3. Рынок труда подвергся радикальным изменениям. Помимо возросшего спроса на сервисы удаленной работы все большее количество населения, опасаясь подрыва финансового благополучия, стало пробовать свои силы на онлайн-платформах занятости, как в национальном, так и в международном масштабе [12; 13]. Произошли сдвиги в структуре спроса и предложения на рабочую силу, изменения в традиционных укладах производственной деятельности и моделях труда [12]. Трансформация рынка труда и угрозы неопределенности создали предпосылки для роста конкурентоспособности специалистов, снятия их внутренних ограничений при выходе на новые рынки, расширения возможностей населения в части реализации их талантов и предпринимательских инициатив [28]. Столкновение с внешними вызовами подтолкнуло граждан страны к поиску новых траекторий профессиональной реализации и получения дополнительного дохода, их закреплению на рынке труда в новом статусе и достижению большей свободы, что не может не отразиться на повышении качественных характеристик жизни в ближайшей перспективе. От государства в данном плане требуется реализация программ поддержки самозанятых, предприятий малого бизнеса, внедрение программ повышения финансовой и цифровой грамотности, расширение сфер грантовой поддержки и совершенствование бюджетно-налогового и финансово-кредитного регулирования для создания благоприятных условий реализации предпринимательских усилий населения.

4. Пандемия ускорила процессы цифрового развития, а вместе с ними увеличила масштабы рынка электронной торговли [29]. Бизнес-структуры стали больше доверять новым технологиям, что ускорило их цифровую трансформацию и помогло завершить реорганизацию бизнеса, модифицировать онлайн-взаимодействие с клиентами. Пандемия расширила диапазон применяемых инструментов продвижения на цифровых платформах и открыла новые перспективы роста для предпринимательства [30]. Например, объем рынка электронной торговли в 2020 г. вырос на 58,5 % в сравнении с аналогичным показателем 2019 г.[14] В свою очередь, укрепление предпринимательского сектора приводит к стабилизации социально-экономической ситуации в стране, что способствует повышению

[12] Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий. *Edmarket*. URL: https://edumarket.digital/#what (дата обращения: 06.03.2024).

[13] Рейтинг стран мира по индексу уровня образования. *United Nations*. URL: https://gtmarket.ru/ratings/education-index (дата обращения: 06.03.2024).

[14] E-commerce в России 2020. *АКИТ*. 18.02.2021. URL: https://akit.ru/news/e-commerce-v-rossii-2020 (дата обращения: 06.03.2024).

уровня и качества жизни населения. В компетенцию государства в данном аспекте должны войти реализация мер институционального регулирования онлайн-торговли и обеспечения кибербезопасности участников онлайн-транзакций, повышение цифровой грамотности населения и подготовки специалистов, обеспечивающих бесперебойную работу цифровых платформ онлайн-торговли. Кроме того, цифровизация государственных услуг и перевод в онлайн-формат большинства государственных сервисов во многом упростили процедуры и сократили время получения услуг, что является шагом к созданию благоприятной среды развития бизнеса в России.

Таким образом, расширение возможностей индивидов, выходящих за рамки достижений в области благосостояния и включающих в себя свободу действий и инициативность, будет способствовать повышению качества жизни населения. Готовность общественной системы к использованию создавшихся предпосылок в значительной мере определяется ее адаптивностью к изменениям и гибкостью механизмов государственного управления.

Заключение

Проведенный анализ изменений параметров уровня и качества жизни населения, произошедших в период неопределенности, вызванной пандемией, позволил сделать вывод, что, во-первых, пандемия оставила сильный негативный след на социально-экономической жизни общества. В России наблюдалось сокращение ключевых показателей уровня жизни населения (включая снижение ВВП, доходов и расходов на душу населения, дестабилизацию рынка труда и снижение занятости), что повлекло за собой снижение качества жизни россиян. Во-вторых, проведенный сравнительный анализ пандемических тенденций в России и других странах (Японии, США и Великобритании) показал, что существует разрыв параметров уровня и качества жизни. Однако влияние пандемии на уровень и качество жизни населения заметно во всех исследуемых странах. Некоторые из них (в частности, Япония) оказались наиболее устойчивыми к воздействию пандемии, другие (США и Великобритания) имеют во многом схожую динамику реагирования на ее вызовы. В-третьих, в период коронавирусной инфекции были созданы предпосылки для расширения возможностей повышения уровня и качества жизни населения России, но готовность общественной системы к использованию создавшихся стимулов в значительной мере будет определяться ее адаптивностью к изменениям и гибкостью механизмов государственного управления. В-четвертых, выделены ключевые сдвиги, спровоцированные неопределенностью в период пандемии, способные в перспективе оказать существенное влияние на повышение уровня и качества жизни населения России, и предложен комплекс мер государственной политики, который содействует их реализации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. В. Плюснина – разработка методики исследования, определение целей и задач, обоснование методов исследования, формулирование результатов. Л. М. Бутова – формирование информационной базы исследования, подбор статистических данных, обработка данных. Е. В. Конищев – анализ данных, выявление закономерностей, графическое отражение полученных результатов. Е. О. Плеханова – представление результатов, выводов, рекомендаций.
Contribution: O. V. Plyusnina developed the research methodology, set up of goals and objectives, designed the research methods, and formulated of conclusions. L. M. Butova compiled the information base, as well as selected and processed statistical data. E. V. Konishchev analyzed the data, identified the patterns, and provided the graphical representation of the results obtained. E. O. Plekhanova is responsible for the results, conclusions, and recommendations.

Литература / References

1. Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006. 323 с. [Kapustin E. I. *Standards, quality, and style of life in Russia*. Moscow: Nauka, 2006, 323. (In Russ.)]
2. Бобков В. Н., Гулюгина А. А. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России. *Уровень жизни населения регионов России*. 2012. № 4. С 5–51. [Bobkov V. N., Guliugina A. A. Monitoring of incomes and living standards in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2012, (4): 5–51. (In Russ.)] https://elibrary.ru/oxnyfz

3. Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Низкие уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 5. С. 168–181. [Bobkov V. N., Odintsova E. V. Low level and quality of life among economically active population: Identification criteria and assessment of occurrence. *Economic and social changes: Facts, trends, forecast*, 2020, 13(5): 168–181. (In Russ.)] https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.10
4. Субетто А. И. Теория качества жизни. СПб.: Астерион, 2017. 278 с. [Subetto A. I. *Theory of quality of life*. St. Petersburg: Asterion, 2017, 278. (In Russ.)]
5. Тодоров А. С. Качество жизни: критический анализ буржуазных концепций. М.: Прогресс, 1980. 224 с. [Todorov A. S. *Quality of life: A critical analysis of bourgeois concepts*. Moscow: Progress, 1980, 224. (In Russ.)]
6. Поздеева О. Г. Проблемы изменения качества жизни населения в меняющемся мире. *Вестник экономики, права и социологии*. 2023. № 2. С. 69–72. [Pozdeeva O. G. Problems of changing the quality of life of the population in a changing world. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2023, (2): 69–72. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zvngen
7. Щеглова А. А., Брюханов Д. В. Сравнительный анализ показателей индекса человеческого развития в России, регионах и странах СНГ. *Журнал прикладных исследований*. 2022. Т. 1. № 7. С. 18–25. [Shcheglova A. A., Brukhanov D. V. Comparative analysis of indicators of the human development index in Russia, regions and CIS countries. *Journal of Applied Research*, 2022, 1(7): 18–25. (In Russ.)] https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_7_1_18
8. Федотов А. А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая). *Народонаселение*. 2021. Т. 24. № 2. С. 53–65. [Fedotov A. A. Quality of life and human potential in the concepts of sustainable and human development (part 1). *Population*, 2021, 24 (2): 53–65. (In Russ.)] https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.5
9. Karpunina E. K., Okunkova E. A., Molchan A. S., Belova E. O., Kuznetsova O. A. Management of personnel professional development as a condition of digital transformation of the organisation. *International Journal of Learning and Change*, 2023, 15(4): 365–387. https://doi.org/10.1504/IJLC.2023.132135
10. Kuzmenko N. I., Lapushinskaya G. K., Lisova E. V., Tleptserukov M. A., Karpunina E. K. Russian regions: Assessment of factors of growth in the living standard and well-being of the population. *Geo-economy of the future. Sustainable agriculture and alternative energy*, 2022, 619–639. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_66
11. Лякин А. Н. Три кризиса по одному сценарию. *Вестник СПбУ. Экономика*. 2018. Т. 34. № 1. С. 4–25. [Lyakin A. N. Three crises in the Russian economy and one chain of events. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2018, 34(1): 4–25. (In Russ.)] https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.101
12. Karpunina E. K., Pilipchuk N. V., Mirzabalaeva F. I., Alieva P. R., Zubareva N. N. Measuring the activity of the population of Russian regions in the global online labour market. *International journal of human resources development and management*, 2023, 23(3): 250–267. https://doi.org/10.1504/ijhrdm.2023.136388
13. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Карпунин К. Д. Трансформация рынка труда в период пандемии: новые риски экономической безопасности. *Друкеровский вестник*. 2022. № 1. С. 156–165. [Karpunina E. K., Moiseev S. S., Karpunin K. D. Transformation of the labor market during the pandemic: New economic security risks. *Drukerovskii vestnik*, 2022, (1): 156–165. (In Russ.)] https://elibrary.ru/gbhure
14. Nazarova I. G., Galieva G. F., Sazanova E. V., Chernenko E. M., Karpunina E. K. Labor market and employment problems: Analysis of long-term dynamics and prospects of development in Russian regions. *New behaviors of market players in the digital economy*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 8 Jul 2021. Switzerland: Springer Nature Switzerland, 2021, 711–722. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_77
15. Bayanduryan G. L., Kleymenova Y. A., Karpunina E. K., Pilipchuk N. V. Industrial and trade policy in agricultural engineering: Russian specifics and problems of harmonization. *Ikonomicheski Izsledvania*, 2021, 30(8): 114–132. https://elibrary.ru/gjnnjy
16. Королюк Е. В., Пилипчук Н. В., Плясова С. В., Шевцов Н. А. Трансформация рынка труда в условиях неопределенности: новые формы, факторы и перспективы. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2023. Т. 21. № 4. С. 15–25. [Korolyuk E. V., Pilipchuk N. V., Plyasova S. V., Shevtsov N. A. Transformation of the labor market in conditions of uncertainty: New forms, factors and prospects. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, 21(4): 15–25. (In Russ.)] https://elibrary.ru/psopys
17. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A., Gasanova N. M., Karpunina E. K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. *Business 4.0 as a subject of the digital economy*, 2022, 639–645. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_102

18. Korolyuk E., Rustamova I., Kuzmenko N., Khashir B., Karpunina E. Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis. *Innovation management and information technology impact on Global Economy in the Era of Pandemic*: Proc. 37th Intern. IBIMA Conf., Cordoba, 30–31 May 2021. Cordoba: IBIMA Publishing, 2021, 5248–5257. https://elibrary.ru/zqkoip
19. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N., Zubareva N. N., Luchaninov R. S. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *Geo-economy of the future. Sustainable agriculture and alternative energy*, 2022, 85–96. https://elibrary.ru/zcgaga
20. Засимова Л. С., Хусаинова А. Г. Медицинские и экономические факторы расходов населения на лекарственные средства и биологически активные добавки во время пандемии COVID-19. *Социальные аспекты здоровья населения*. 2022. Т. 68. № 6. [Zasimova L., Khusainova A. Medical and economic factors of household spending on medicines and dietary supplements during the COVID-19 pandemic. *Social aspects of Population Health*, 2022, 68(6). (In Russ.)] https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-6-3
21. Карпунина Е. К., Губернаторова Н. Н., Соболевская Т. Г. Эффекты пандемии COVID-19: новые паттерны потребительского поведения. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2022. № 1. С. 63–76. [Karpunina E. K., Gubernatorova N. N., Sobolevskaya T. G. Effects of the COVID-19 pandemic: New patterns of consumer behavior. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2022, (1): 63–76. (In Russ.)] https://elibrary.ru/iyhzbo
22. Гохберг Л. М., Озерова О. К., Саутина Е. В., Шугаль Н. Б. Образование в цифрах: 2020. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 120 с. [Gokhberg L. M., Ozerova O. K., Sautina E. V., Shugal N. B. *Education in numbers: 2020*. Moscow: HSE University, 2020, 120. (In Russ.)] https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2306-3
23. Осанова М. В., Одинцова О. В. Развитие онлайн-образования в России. *Образование и право*. 2022. № 5. С. 196–201. [Osanova M.V., Odintsova O. V. Development of online education in Russia. *Obrazovanie i pravo*, 2022, (5): 196–201. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-5-196-201
24. Karpunina E.K., Arutyunova A.E., Sazanova E.V., Maksaev A.A., Galieva, G.F Digitalisation determinants and digital dividends of the higher education system (on the example of Russia). *International Journal of Education Economics and Development*, 2022, 13(4): 392–409. https://doi.org/10.1504/ijeed.2022.125333
25. Maksaev A. E., Surakatov N. S., Sobolevskaya T. G., Lebedeva S. L., Karpunina E. K. Online education in developing countries: A comparative analysis of the development of the sector in Russia, China and Brazil. *36th Intern. IBIMA Conf.*: Proc. 36th Intern. IBIMA Conf., Granada, 4–5 Nov 2020. Granada: IBIMA, 2020, 2266–2276. https://www.elibrary.ru/tonpaz
26. Pilipchuk N. V., Strelnikova T. D., Batova O. V., Subkhonberdiev A. Sh., Lyalyuk A. V. Transformation of the higher education services market: Comparative analysis by OECD countries. *Innovative trends in international business and sustainable management*, 2023, 321–332. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_36
27. Kosorukova I., Voronov A., Mirgorod E., Lupacheva S., Trubetskaya O. BRICS countries in a period of uncertainty and turbulence: Opportunities for the formation of a new configuration of the global economy. *Ikonomicheski Izsledvania*, 2023, 32(7): 51–76.
28. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Иванова Т. В., Чащина Т. В. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18. № 4. С. 502–520. [Bobkov V. N., Odintsova E. V., Ivanova T. V., Chashchina T. V. Significant indicators of precarious employment and their priority. *Living standard of the population in the regions of Russia*, 2022, 18(4): 502–520 (In Russ.)] https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7
29. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O., Nazarchuk N. P., Perekatieva T. A. E-commerce market: Intensification of development during the pandemic. *New behaviors of market players in the digital economy*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 8 Jul 2021. Switzerland: Springer Nature Switzerland, 2022, 363–373. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_40
30. Гончарук И. В. Обзор исследований о влиянии пандемии COVID-19 на развитие мировой и российской электронной торговли. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2021. № 1. С. 66–82. [Goncharuk I. V. Review of research on the impact of the COVID-19 pandemic on the development of global and Russian e-commerce. *Tamozhennaia politika Rossii na Dalnem Vostoke*, 2021, (1): 66–82. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wsvscu